

Такой поэт, как Сергей Есенин, в смерти Родины видел смерть своей философии, своего мира, видел свою собственную смерть:

И вновь вернулся в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,
В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь.

Страстно угнетаясь и страстно радуясь, Есенин помогал, точнее, хотел помочь новому дню России. Он ведь не Бурлюк, весело убежавший в Нью-Йорк, не Шершеневич, "престижно" заявивший, что он - "последняя трещина, которую заливают прогресс".

Из боли и крови, из пепла и слез Есенин выходил к людям, к жизни, к земле, желая ей, родной и любимой, покоя и труда. Объяснить творчество Сергея Есенина -объяснить нас, нашу русскую душу. Как объяснить колдовство, действо?

Полевое степное "ку-гу".
Здравствуй, мать голубая осина!
Скоро месяц, купаясь в снегу,
Сядет в редкие кудри сына.

И на какой другой язык можно перевести, без потерь, вот это чудо?

Не надо, да и смешно, оракул, скакать на есенинском пегасе и думать, будто ты первый указал на гражданскую волю поэта. Указали на его гражданскую доблесть те прихвостни и проходимцы, которые травили его и мучили. Говори о них, о них говори, а в Есенине мы и сами разберемся!..

И если ты восторгаешься отвагой и честью певца, то что же ты стоишь сегодня сам, забывая, что эта отвага и честь так тебе нужны?

Дар поэта - ласкать и корябать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черной жабой

Я хотел на земле повенчать.

Это - не желание нравиться всем. Это - суть бессонниц поэта. Это - огонь. Из него прорастает дар, волшебный, как цветок папоротника. Опять звенит во мне: "Полевое степное "ку-гу"..."

Я вижу легкий заморозок на земле. Трава луговая - в инее. Лес - голый и печальный. Облака - серые, холодные. Холмы небольшие. Даль. Река. Шорохи. Звуки. Осень. Осень, напоминающая собой весну. Или это весна, где тот же иней на прошлогодней траве, тот же вечер, те же облака?

Что за звук "ку-гу"? Оклик души? Кукушка? А голубая осина? Горькое дерево...

И - редкие кудри сына. Редкие. А ведь были густыми, густыми:

Так мы далеки и так не схожи -
Ты молодая, а я все прожил.

Поэту удалось запечатлеть молодость - в ее увядании, природу - в ее грусти, а человека - в его трагедии. Есенин - во всем Есенин. Живой, искренний, обжигающий.

Шестнадцать лет он вышел из дому и через четырнадцать лет вошел в бессмертие. Четырнадцать лет. У нас теперь иной - четырнадцать лет пишет одну скучную поэму, а то и дольше. А туг - сотни стихов, десятки поэм. Рассказы. Статьи. И все - за четырнадцать лет!..

Софья Виноградская: "И однажды его, сонного, осыпали васильками. На подушке залитая солнечными лучами, утопая в васильках, обрамленная воротом шелковой рубашки лежала чудесная золотая голова. Он проснулся, синие васильки глянули из его глаз, солнце и васильки веселили его, радовали. И он неугомонно ходил по квартире, говорил, шутил, смеялся, был необычайно ласков и нежен со всеми. Нежность, ласковость! - в нем этого было так много". Много - и в душе Софьи Виноградской: васильками говорит о поэте.

Надежда Вольпин: "Он прочел мне два новых стихотворения - оба написаны здесь, в больнице. Сперва "Вечер черные брови насолил". Дочитал. Я повторяю на память:

Слушать песню дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек!

Обсуждать не хочу. Но Есенину требуется критика. Я заметила, что зря он ломает язык ради рифмы: "насолил - пропил". Можно оставить обычное "наступил" - и дать диссонансную рифму. Сама я нередко так делаю". Глухота и бесчувствие к русскому языку у нее? Нет. Комолая самоуверенность в русском психологическом пейзаже...

Галина Бениславская: "Прощает Есенин Дункан. Заботится о его стихах. Терпит Вольпин. А Дункан уворовывает Есенина. Зиняда Райх к Мейерхольду потянулась. А в Персии - Шаганэ... И Татьяна Толстая, счастливая, уезжает к морю с мужем, но "скучно" поэту и - страна задыхается в жестокостях новых строителей равенства".

И есть еще - не васильковая, а луговая, травяная, березовая, молчаливая, как вечная русская земля, душа есть - Анна Изряднова: "В сентябре 1925 года пришел с большим свертком в 8 часов утра, не здороваясь, обращается с вопросом: - У тебя есть печь? - Печь, что ли, что хочешь? - Нет, мне надо сжечь".

Есенин уже слышал - ползут по следу грызуны. Только он не знал и она не знала: и сына их учтут...

Детей Есенина не пощадили, могли разве они пощадить отца? Есенин для них, ненавидящих нас, для них, ненавидящих Россию, Есенин - василек на солнечном поле. Не могли они пощадить поэта!

И все тленно: вскроем могилку, а в ней - нет его... Все тленно, когда страна попорана изменниками и убийцами, разорвана на куски русская земля, а русский народ, охваченный смятением и пламенем недоброжелательства, спровоцированного негодяями, пока не осознал навалившуюся беду. Начинает осознавать. Начинает, а провокаторы вздрагивают: правда по их когтистым следам движется, прозрение, свет русский...

Галина Бениславская из пистолетика застрелилась у креста Сергея Есенина: тайну скрывала страшную или разгадкой страшной тайны измучилась? Каково нам сегодня устанавливать и объяснять? И какой крен категоричности допускать?.. Айседора Дункан танцует - красная снежная пена битв летит с русских холмов. Танцует Дункан - русская бабушка побираться бредет, обворованная приватизаторами нового мирового порядка. Татьяна Федоровна Есенина бредет... Русскому - сиротливо на Руси:

"Я тебе в сотый раз говорю, Что меня хотят убить! Я, как зверь, Чувствую это!.."

Почему же мы, русские, "археологически" терпеливы? И - терпеливы ли? Может - не терпение, а недомыслие? Может - не терпение, а неповоротливость? И, может, не терпение, а трусость? Но еще хуже, если - не терпение, а равнодушие, ведь равнодушие - смерть? Почему в гибели Пушкина виноват иностранец? Почему в гибели Лермонтова виноват выкрест?.. Почти иностранец. Почему Осип Брик присутствовал при расстреле Гумилева? Почему Зиновьев уничтожил Блока? Почему Ягода "процеживал" фразы Есенина? Почему Маяковский "не избежал" Агранова: русских палачей мало?

Сегодня любой народ - самостоятельное государство, любой язык - устав народа. И только русский народ - прежний шовинист. И только русский язык - имперское мышление. Безродинные твари, бесчувственные интернациональные роботизированные конвоиры над нами проволочную зону сплели. И караулят: как русский - так попался.

Стонал Есенин: "Что они, сговорились, что ли? Антисемит - антисемит! Ты - свидетель! Да у меня дети - евреи! Тогда что ж это значит? Тогда я и антигрузин тоже!.." Русские мешают.

Сидел же у костра заключенный. Кто он? И сын Есенина мог у того костра сидеть, но не разрешили. Подвальная пуля тосковала о русской крови. Поцеловав царский висок, она из ипатьевского дома, хмельная и необузданная, шипящим библейским воском пролилась на русские просторы, ошпаривая цветы - золотоволосые головы...

"Молчи,
Они следят за мной,
Понимаешь,
Следят!"

И за нами - они следят, исайки... Неужели исайки лишь способны кроваво играть чью-то роль или извращать ее родоначальную суть, подделываясь и зубоскаля?

* * *

Один. Юный. Доверчивый. Шел и шел он за голосом слова. Шел через ненависть, через зависть бесталанных евнухов. Есенин действовал. Он прекрасно понимал: безделье поэта - первейший признак его внутренней нищеты. И неспроста строки Сергея Есенина так щемяще наполнены приглушенной скорбью великого смысла:

Успокойся, смертный, и не требуй
Правды той, что не нужна тебе...

В Есенине говорила юность, когда он начинал свой путь, желание красивого, непохожего, вечного. Помните у Блока?

Гаснут красные копыя заката,

Прицельный, грустный, сильный и мудрый Блок - так я представляю этот взгляд сквозь дымку истории России, сквозь половецкие дали. Щиты и копыя... А вот Есенин:

Гаснут красные крылья заката.

Мягче. Пластичнее. Живее. Ближе к траве, к полю, к солнышку. Но - от великого учителя, от великого, конечно, Блока, что делает еще выше и значительнее строки Есенина.

Соприкасаясь, обновляйся, - таков закон бытия, таков закон опыта жизни, такая естественная "формула" удачных поисков художника. Послушайте Пушкина, он обращается к няне:

Выпьем с горя, где же кружка,
Сердцу будет веселей!

У Есенина:

Опрокинутая кружка
Средь веселых не для нас,
Понимай, моя подружка,
На земле живут лишь раз!

И повтор:

И чтоб свет над полной кружкой
Легкой пеной не погас -
Пой и пей, моя подружка,
На земле живут лишь раз!

Или у Лермонтова:

За жар души, растроченный в пустыне,
За все, за все, чем в жизни счастлив был!

А у Сергея Есенина:

Не жаль мне лет, растроченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Это - учеба у родных великих, учеба - школа, учеба - призвание. Это - освящение великого наследия прошлого, великой русской культуры. Это - национальное развитие...

Вот, например, у Ильи Эренбурга ничего похожего не встретишь:

В музеях плачут мраморные боги.
А люди плакать разучились. Всем
Немного совестно и как-то странно.
Завидую я только тем,
Кто умер на пороге
Земли обетованной.

Это не примешь, как вздох ветра, это "обетование" про себя по-русски не запоешь. Но прав, по-своему, Эренбург, прав!.. Афанасий Фет:

Белая береза
У моего окна.
Прихоть мороза
Разубрана она.

Есенин:

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,

Точно серебром.

Опять оно - это удивительное обновление, эта удивительная свежесть, этот потрясающий интонационный и духовный рывок к жизни, к новизне.

И сам Сергей Есенин оказал огромное влияние на дальнейшую русскую поэзию. Если взять литературные вершины, то прямая линия от Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока, безусловно, пойдет к Есенину. Наследник удивительного русского слова, Сергей Есенин, достойный продолжатель пушкинского полета русской речи.

Владимир Луговской, Александр Прокофьев, Михаил Исаковский, Александр Твардовский вольно или невольно, но пришли через несравненный магнетизм есенинского стиха. Отрицая Есенина, как наставника, тот же Твардовский писал:

Над патами дым стоит весенний.
Я иду, живущий, полный сил.
Веточку двурогую сирени
Подержал и где-то обронил.
Друг мой и товарищ, ты не сетуй,
Что лежишь, а мог бы жить и петь,
Разве я, наследник жизни этой, -
Захочу иначе умереть!..

Считал и считаю простоту русского слога, простоту русской классической строфы наивысшим достижением поэтической культуры народа. Вот посмотрите, как ясно и душевно говорит Лермонтов:

Быть может, эти вот мгновенья,
Что я провел у ног твоих,
Ты отняла у вдохновенья,
Но чем ты заменила их?..

Если произнести эту строфу замедленно, обращаясь к женщине, то получится не стихотворная форма, а самая тонкая и пронзительная жалоба самому себе, немая речь, обида, запоздало кольнувшая человека, глубоко встревоженного безотчетным отношением к нему.

Но, овеянные вдохновением строки, поставленные в единый ритм бьющей в сердце мысли, - музыка, колдовство. У Сергея Есенина такая простота - главная тропа, она вырисовывается быстро, только стоит серьезно прикоснуться к его творчеству:

Там за Уралом
Дом.
Степь и вода
Кругом.
В синюю гладь
Окна
Скрипкой поет
Луна.
Разве так плохо
В нем?
И читаем:
Славный у песни
Лад.
Мало ль кто ей
Не рад.
Там за Уралом
Клен.
Всякий ведь в жизнь
Влюблен.
В лунном мерцанье
Хат.

И - любовь. Любовь - край. Любовь - зарница. Любовь - песнь... Сергея Есенина сквозь нищету и разлом жизни, сквозь кровь и огонь революции, сквозь личные неурядицы и драмы звала и манила надежда: начать новый путь, новую долю, дом новый, где "стройная девушка есть", невеста его и жена, сестра его и мать:

Если ж, где отчая
Весь,
Стройная девушка
Есть,
Вся как сиреневый
Май...

Тут, как говорится, доказательств не требуется...

* * *

И понятна реальная кручина поэта: "Тот ураган прошел. Нас мало уцелело. На переключке дружбы многих нет. Я вновь вернулся в край осиротелый, В котором не был восемь лет. Кого позвать мне? С кем мне поделиться Той грустной радостью, что я остался жив? Здесь даже мельница - бревенчатая птица С крылом единственным -

стоит глаза смежив. Я никому здесь не знаком, А те, что помнили, давно забыли, И там, где был когда-то отчий дом, Теперь лежит зола да слой дорожной пыли".

И понятна злоба и ненависть тех, кто с безумной жестокостью посылал раскаленные стрелы в поэта. И понятно, почему Сергей Есенин с яростной иронией отвечает им, междержавным, но единым по своему гнилому духу, кочующим мерзавцам:

Вот она - мировая биржа!
Вот они - подлецы всех стран!

И "Страну негодяев" Сергей Есенин задумал и сотворил как своеобразный полемический монолог. Но влияние на нас прощательной молитвы Сергея Есенина очень сильное. Как можно не прислушаться:

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую водь.

Надо проникнуться презрением к отцовскому плетню, погосту, дому, чтобы не "зацепиться" за эту звонкую боль по всему родному, боль поэта.

Нет, душу не уничтожить, она нужна человеку во всем: в любви, в признании и в самоиспытаниях. Ныне понятно, почему Владимир Маяковский, в саркастическом гневе, откровенно высказался в стихотворении "На смерть Есенина":

Чтобы разнеслась бездарнейшая погань,
Раздувая темь пиджачных парусов.
Чтобы врассыпную разбежался Коган,
Встреченных увеча пиками усов.

Позднее, размышляя о своем литературном ремесле, Маяковский, как бы между прочим, заметил - какая хорошая рифма:

Погань - Коган.

И - добавим из Есенина:

Хари - Бухарин!

Но это - не между прочим. Нет. В сжатой до взрыва иронии - ненависть Владимира Маяковского и Сергея Есенина к тем, кому чужда судьба и жизнь русского поэта, кто с ядовитой базарной громкостью готов унижать, топтать, слюнявить и похабить талант, принадлежащий народу. И разве случаен факт травли Маяковского?..

Мог ли думать, уходя из дому, шестнадцатилетний Сергей Есенин о том, что через четырнадцать лет начнутся ошибки, скандалы, истерики вокруг его имени? Мог ли он, мальчик, думать, что по нему, этому звонкому и родному соловью, откроется такая долгая и жестокая пальба из всех литорудий? Мог ли он полагать, что кто-то нагло и деспотически попытается исключить, убрать его светоструйный голос?..

Даже мертвому - ему не хотели прощать его изумительного дарования, его совестливого сердца. Составители хрестоматий кого только не противопоставляли Есенину! Эдуарда Багрицкого, Иосифа Уткина, - все они должны были, по замыслу "деятелей литературной истории", оттолкнуть нас от "богемного", "упаднического" поэта.

И - часто я размышляю: Сергей Есенин, как тяжело тебе жилось, родной, на земле отцов и дедов, оплеванной исайками? Как тебе, наверное, было неудобно? Не зря ты в минуты удручения и маеты произносил:

А месяц будет плыть и плыть,
Роняя весла по озерам...
А Русь все так же будет жить -
Плясать и плакать у забора.

Многие десятилетия безъязыкий Самуил Маршак "учил", и все "учит", наших детей "русской музыке" слова, а демократичный дедушка Чуковский "воспевает" тараканов и умывальники, тем самым сея в ранних душах ребят веселую "эстетическую" неразбериху и плюрализм... А ты, дорогой и светлый поэт наш, был отторгнут, отодвинут и оклеветан.

И даже такие истинно русские поэты, как Александр Твардовский, с больших трибун старались принизить тебя и задержать тебя. Все, все время сгладит, но не все оно им

простит!..

Пока литературные "чайники" скрещивали мечи в спорах - изжила или не изжила себя поэма "Анна Онегина", поэма шла из края в край по стране, утверждалась и волновала людей. Чем одолеть талант?

Теперь я отчетливо помню
Тех дней роковое кольцо.
Но было совсем не легко мне
Увидеть ее лицо.
Я понял -
Случилось горе,
И молча хотел помочь.
"Убили... Убили Борю...
Оставьте!
Уйдите прочь!
Вы - жалкий и низкий трусишка.
Он умер...
А вы вот здесь..."

Не из "Тихого Дона" ли картина? Есенин - первопроходец, он раньше вылепил типы и характеры того времени, чем его собратья, раньше. Мельник, Лабута, Прон, взятые Есениным в жизни, "переехали" из его поэмы в произведения разных писателей, сохранив на себе приметы, "заштрихованные" чутьем гения...

Нет, это уж было слишком.
Не всякий рожден перенести.
Как язвы, стыдясь оплеухи,
Я Прону ответил так:
"Сегодня они не в духе...
Поедем-ка, Прон, в кабак..."

Пушкин - наша правда. Лермонтов - наша правда. Есенин - чаша правда.

Может быть, поэтому и наводят с диким рвением и безудержно на свои физиономии телекамеру, фотоаппарат, прижимают к своим орущим ртам микрофон нынешние популярные "властители" сцен, именно - популярные, ведь талантливым и любимым поэтам это не нужно!.. Их любят. А этих знают. Этих знают по крикам в прессе. А тех

любят по мукам их же сердец.

Зачем передавать назидательно по экрану или по литературным газетам, или - по склокам и скандалам?

Разбуди меня завтра рано,
О, моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Или:

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Самуил Маршак помрачнел бы, пожалуй, "Говорят, что я скоро стану знаменитый русский поэт", - не правильно! Правильно - "Говорят, что я скоро стану знаменитым русским поэтом?!"

Вот в этой чужеродной "правильности-то" как раз и гибнет русское слово. Гибнет его искренность, его нежность, его необъятная правильность и подвижность, талант преображаться и перевоплощаться во имя точности.

Но не заметить это никогда робототизированному сочинителю, оптимисту. Он, как угорелый, или, как вор, вспрыгнувший на чужого коня, на чужого Пегаса, будет скакать и скакать мимо русской березы, мимо русской речки, мимо русского поля. А под этой березой - соловей. А в этой речке - русалка. А в этом поле - Коловрат лежит!..

Это ведь - Родина, а не "Дерибасовская", не "Бассейная", не "Базарная" улицы!.. Великие поэты ведут, и мертвые, великую битву за честь и славу Родины и ее культуры. Таков и Сергей Есенин.

В газете "Пульс Тушина" напечатано стихотворение Николая Денисова "Совнарком, июль 1918":

В стране содом. И все-в содоме.
Пожар назначен мировой.
И пахнет спиртом в Совнаркоме -
Из банки с царской головой.
Примкнув штыки, торчит охрана.
Свердлов в улыбке щерит рот.
И голова, качаясь пьяно,
К столу Ульянова плывет.
Тот в размышленьи: "Вот и сшиблись,
Но ставки слишком высоки!"
Поздней он скажет: "Мы ошиблись!"
Но не поймут ревмясники.

И - читаем: "В морозный день эпохи мрачной, Да, через шесть годков всего. Они, как в колбу, в гроб прозрачный. Его уложат самого. И где-нибудь в подвале мглистом, Где меньше "вышки" не дают, Из адской банки спирт чекисты, Глумясь и тешась, разопьют. И над кровавой царской чаркой, В державной силе воспаря, Они дадут дожрать овчаркам Останки русского царя. Еще прольются крови реки - Таких простых народных масс. Тут голова открыла веки - И царь сказал: "Прощаю вас..." Он всех простил с последним стоном Еще в ипатьевском плену: Социалистов и масонов, Убийц и нервную жену... Летит светло и покаянно На небо царская душа. И зябко щурится Ульянов, Точа клинок карандаша. Еще в нем удаль боевая, Еще о смерти не грустит. Но час пробьет... Земля сырая Его не примет, не простит".

Брат Ленина, террорист Александр Ульянов, изобретавший взрывные "игрушки", казнен Романовыми. Нельзя это забывать, размышляя о деспотической хватке вождя. Забывать - давать поблажку личной необъективности. И в народе гуляет слух о том, как Юровский, по приказу Свердлова, привез пролетарскому идолу голову царя в прозрачной посудине...

Если - быть, то мое "привычное" отношение к Ленину "заминировалось". Как принять и "усвоить" подобное дохристианское озверение? Где аргументы найти - простить? Если - быть, следует подробнее рассказать о садистах века России и миру.

Если же - не так, если же - не было, имя Ленина надо прямо освободить от черного груза молвы. Неужели трудно согласиться с этим властям? Или согласиться - на себя навлечь Божью кару?.. Вождь - кровавее идола?

Нежный, сердобольный, погибающий от жестокостей, бушующих по стране, Сергей Есенин надрывал душу и слово между грохочущими в подворотнях выстрелами убийц и их же трибунными заявлениями, их же публичными "сочувствиями" трудовому народу. Иудины басни...

Но у нас нет с вами и грамма недоверия к Есенину: к его приветствию перемен, приветствию свободы, к его надежде на лучшее: Надежда осмеяна и порабощена не по вине поэта.

А чем обернулись его упования? Вырубили - достойных. Выкорчевали - смелых. Уничтожили трудолюбивых. Потому и печаль плотнее и плотнее окутывала душу Есенина. Слезы не давали говорить ему. А пролитая палачами кровь на его земле двигала Сергея Есенина к пропасти:

А есть другие люди,
Те, что верят,
Что тянут в будущее робкий взгляд.
Почесывая зад и перед,
Они о новой жизни говорят.

Есенин ощутимо передал нам "нынешнюю" ситуацию, "нынешний" вывод "простых" сограждан:

А все это, значит, безвластье.
Прогнали царя... Так вот
Посыпались все напасти
На наш неразумный народ.

Мысли, изреченные доброй мельничихой, ныне звучат судом, приговором. Но прав ли царь, допустивший бойню? Где его державная длань? Не нам опровергать и приостанавливать суждения. Мы обязаны признать исторический укор, обязаны "зарубить на носу урок за содеянное" и попробовать найти тропу искупления. А тропа искупления - есенинская боль...

Судов, обвинений нам уже лишне. Национальных противостояний, узлов, завязанных предателями покоя, некуда девать:

Много в России
Троп,
Что ни тропа -

То гроб.

За последние годы совершено столько "ошибок" - не исправить за десятилетия. Как, и над текущими годами суд впереди? Но, видя обманутый, обжегоренный народ, не сомневаешься: суд впереди.

Сметен памятник Свердлову. Памятник Марксу нам не разрешают пошевелить - пошевелят внуки. Начиная с Мавзолея, пора на Красной площади аккуратно, плита к плите, песчинка к песчинке, начать перенос урн, саркофагов, бюстов - за Москву, на открытое и доступное поле: смотрите, гои, читайте, гои, не спотыкайтесь, гои, о лозунги, наганы, лагеря, танки, бомбы.

Запоминайте, гои, "подвиги героев" сражения с родным народом. Запоминайте корифеев и светочей справедливой эпохи. А над полем - поднять печальный крест. Огромный черный крест. Мученический крест поэта. Крест покаяния и прощения, крест надежды. Но шевелить ли могилы? Подражать ли сенегальцам?..

Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что случилось в стране.
И простим, где нас горько обидели
По чужой и по нашей вине.

И - в каждом городе так надо поступить, в каждом. Тогда - рассеются злоба и дикость, копоть в обществе и государстве. Не будет иной амбал с голоду упираться и башкой бодать памятник Ленину. Пообедает - успокоится. А потом - очистит себя и страну...

Вот потому
С больной душой поэта
Пошел скандалить я,
Озорничать и пить.

С мавзолеями, раздутыми памятниками, почетными захоронениями поступим сдержанно, как поступили, потом - объяснили. Трагедия гиперболических захоронений у Кремля - поворот рек... Маниакальная вдея "все дозволено" - все затопляющая хамь: не царь - царь, а мы цари народов и природы!..

Поступить строго с долдонистыми захоронениями, как с поворотом рек, значит - образумить людей, укрепить их на избранном пути, прояснить, подтолкнуть к благоденствию.

Известно, живя в Сибири, Сергей Залыгин "не покушался" на план переброса рек, а приехал в Москву - многотысячные залы кипят требованиями: "Руки прочь от сибирских рек!" Писатели, ученые, деятели культуры несут вахту по защите рек. Сергей Павлович так энергично присоединился к событиям, аж на кончике их острия затрепетал. Спасибо ему от нас и от рек...

На Ваганьковском кладбище 3 декабря 1926 года хлопнул пистолетик. Молоденькая сотрудница ВЧК Галина Бениславская упала "возле креста" Сергея Есенина. Ее записку - "В этой могиле для меня все самое дорогое, поэтому напоследок наплевать на Сосновского и общественное мнение, которое у Сосновского на поводу" - мы знали, но лишь до "все самое дорогое"...

А кто такой Сосновский? Ранее - бандюга, поякшавшийся "призванием" с Шаем Голщекиным, Янкелем Свердловым - царевубийцами. Член Президиума ВЦИК, заместитель редактора "Правды". Тезка Троцкого, Лейба Сосновский, удавом катился за поэтом.

Мать Сосновского - шизофреничка. Ей мерещился везде подвох - русские иконы... А сестра Сосновского - постриглась, в монашках. Мать презирает православие, дочь - принимает. Сый - бандюга. При очередной "чистке врагов народа" Сосновского расстреляли. Бог судил, а секретарь ЦК КПСС Александр Николаевич Яковлев реабилитировал: видно, много на нем грехов перед Россией? Вместе с Горбачевым развалили Родину. Прорабы, сунувшие нас в пучину крови.

Блюмкин, провокатор и садист, поручается: "...я, ниже подписавшийся Блюмкин Яков Григорьевич, проживающий по гостинице "Савой" № 136, беру на поруки гр. Есенина и под личной ответственностью ручаюсь в том, что он от суда и следствия не скроется и явится по первому требованию следственных и судебных властей". Безграмотно, но искренне...

Великий русский поэт - преступник? А Дункан 3 октября 1921 года, в мастерской художника Якубова, произносит, встретя Сергея Есенина: "Ангел!.." И только 3 августа 1922 года Есенин с Дункан возвращаются из-за границы. Галя Бениславская тоскует: "Всю ночь было мучительно больно. Несмотря на усталость, на выпитое, не могла спать.

Как зуб болит мысль, что Есенин любит эту старуху и что здесь не на что надеяться. И то, что она интересна, может волновать, и что любит его не меньше, чем я. Казалось, сердце и то не светит больше, все кончено".

Несуразная жизнь. И мы, русские, несуразны. Ни одного гения своего не уберегли от клеветы и травли, ни одному великому поэту не подлили мечтательности и вздоха: то пуля, то виселица...

Брата, по матери, Александра, Сергей впервые увидел, будучи уже известным, да и Саша был уже взрослым. - Погостить к нам приехал? - сосед Сергея спрашивает. - Да, погостить. - А брата своего видел? - Какого брата? - Сашку.

- А где он? - даже вздрогнул Сергей. - Вон идет с дедом Федором.

Подходит, вспоминает Александр, к Сергею, встал я против него, он мне прямо в глаза смотрит: - Ну, давай поздороваемся, брат!

Мать Сергея Есенина выносила Сашу, уйдя от отца поэта, но развода так и не получила, возвратилась. Появились Катя и Шура... Отдав на воспитание Сашу, ребенком, мать Сергея Есенина бежала за повозкой подруги и под звездным холодным небом рвала на себе волосы... Трагедия тайны Есениных.

Татьяна Федоровна на сыновей смотрит: "Мне так радостно, так хорошо!" В юности Татьяна Федоровна, Таня, Танюша, слыла частушечницей, необыкновенно и перебористо играла на гармошке. Но осчастливленным дарованием судьба недодает счастья в обычной толчее. Первый ее возлюбленный не женился на ней. Замуж вышла за нелюбимого? Ушла из семьи - полюбила, Сашку родила, но развода не получила.

Если у Танюши - судьба русской работающей девушки, обиженной жестокостью быта и грубой ошибкой случая, то у Татьяны Федоровны Есениной - судьба русской матери, измученной горем и мглой нищеты, грузом бесправия.

Русская мать как бы обменялась, уравнивила между собой и сыном-поэтом посланную на них неправду, злыдство и разруху. Несчастье матери и несчастье ее сына-поэта взаимно заменены и взаимно непоправимы: палачи тут орудуют. Я знаю, кровь и слезы русской судьбы еще не раз вспыхнут синими васильками в равнодушном взоре мира. Вспыхнут и погаснут.

Голову царя Ленин прятал в сейфе. Сталин приказал замуровать ее в стене Кремля. Хрущев, нарушив ансамбль Кремля Дворцом съездов, засыпал царскую голову щебенкою и штукатуркой. Бог покарал Хрущева, а Ленина до сих пор держит на обозрении, мертвого. Брежнев поддавал - ничего не заметил... Андропов с Черненко быстро ретировались. А Горбачев запустил хасидов под православные своды соборов. Великий грех совершил, нехристь. Скитается теперь. Богом и Россией отверженный. Ельцин вертолетами Кремль содрогнул и - ничего...

Родина моя, держава моя "размонтирована" бандитами, а ее народ бедностью придавлен. Каково поэту? Труп вождя - в Мавзолее. А голова царя - в легенде. Кто же правит нами?

Долга, крута дорога,
Несчетны склоны гор,
Но даже с тайной
Бога Веду я тайно спор.

Устали мы и закручинились, загорюнились и приуныли. Потому и поэты русские пьют - пропасть коротают, над бездной плывут... А в бездне - кресты, кресты, места им не нашлось: ну где замуровать казненных?..

Царскую семью на Урале дьяволы в шахте замуровали, а русский ветер памяти и непокая освободил ее. Кинулись раздраженные дьяволы народ русский замуровывать на бурьянных кладбищах запрещенных монастырей, под серебристыми рудниками Заполярья, под штыковыми обелисками Европы и Азии.

А русский народ, как ослабелый ребенок, прах немощи отряхая, к России, матери своей, тянется - закопать ее во рву, дьяволами приготовленном, не дает, богатырь истерзанный. А Ленин - замурован. Слюдой и медью оплавлен. Наблюдай за ним в форточку. Но гвалт сорить мы возле него не намерены:

Я не пойму, какую силой
Сумел потрясть он шар земной?
Но он потряс...

Сооружающие взрывные устройства на погибель царям террористы, стреляющие в живот губернаторам террористки не чванливы, уволокли с кровати дворянина-контрика на расстрел - они в его кровать и веки смежили. Кровь на мостовых их не угрызала, сиротство детей, забранных у арестованных и уничтоженных, не тормозило рыцарей народной революции. Дети - дети. Чужие - и в приюте покушают.

Горький - из босяков. Макаренко - педагог незаменимый. Колонии малолетних бандитов - советские университеты. А еще ядовитее: из них, колоний, несчастных детишек, у кого отцы и матери чекистской пулей просверлены в каменных подвалах, детишек, в ЧК, в ЧК призывали, хватать, как подросли и шинели ремнем опоясали, и сверлить пулями неугодных.

Кровавые детишки - кровавыми отцами стали. Кое-кто свихнулся - ум, как Мавзолей, трещину дал... Да и отпрыски террористов - не чище. В инспекторы, в следователи, в инструкторы вшились, а скелеты и скелеты - грузом висят над ними их террорные родители.

И внуки тех террорных родителей места себе в России не заприметили: демократничают, митингуют, депутатничают, а хроническую террорную болезнь не излечить - кровь русская им нравится, ищут ее у красных, у коричневых, не напьются, паразиты... Сиротам-чекистам и внукам-террористам, в дедов удались, ядом обоняние опрыснуло. И вкус к приличию уроды утратили.

Царь - выронил Россию. А эти - провоевали, протюремили. И сто лет не протянули - выдохлись. Пеленали нас портретами вождей, за чубы тыкали в буквари вождей, присягать заставляли вождям, в атаки бежать со здравицей в честь вождей, а не удержались. Злостью и предательством захватили Россию - злоба и предательство их закрутили и позором пометили при удувании.

Но за Россию - не грустно, а невыносимо. Наследили зверино и болванчиков, претендующих в министерские кресла, наковыряли в теплых дворянских постелях укокошенных контриков. Наковыряли, а мы еле-еле Гайдара, по-бабьи румяного и

охапистого, стащили с премьерской должности. Влажный и потолстевший - неаккуратно разъелся, поспешил ученый внук террориста. Но десятки килограммов заполярных изумрудов ссудил, изловчился, "всучил" Израилю... Русская гордость не разрешила ему "отказать в услуге" ближним. Сергей Есенин предвосхитил наследственных расхитителей:

Бедный люд в Москву
Босиком бежит.
И от сгона, и от рева
Вся земля дрожит.

И:

Послушай, да ведь это ж позор,
Чтоб мы этим поганым харям
Не смогли отомстить до сих пор?

Еще и еще напоминаю: Есенин с восторгом вышел на трассу революции, доверчиво посмотрел на ее железный бронепоезд, но отшатнула его месивная сукровь на чугунных колесах фыркающего сатаны - ехал, сволочь, через русские шеи, ломал позвоночники, тряс дома и пашни.

Зарываясь в лирику, как в рязанский пушистый снег, заплывая в нее, как в омут детства, поэт выздоравливал, пробиваясь в "свою глубь", в "Персидские мотивы", иначе - слово разорвалось бы.

Улеглась моя былая рана -
Пьяный бред не гложет сердце мне.

И:

Золото холодное луны,
Запах олеандра и левкоя.
Хорошо бродить среди покоя
Голубой и ласковой страны.

Голубой лунный покой и красоты - где они в России? Бронепоезд стучит и стучит по гудящим рельсам чугунными красными колесами...

Уберем Ленина, Свердлова, Дзержинского, Калинина, Рейснер и остальных, а куда Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе, Ельцина денем? Они - живые, а натворили не меньше тех, давно опочивших. Что за линия такая: Ленин пошел по ней - по крови пошел.

Сталин пошел по ней - по крови пошел.

Горбачев реконструировал ее, "одемократил", улучшил, выверил: республики из СССР вывалились и в крови барахтаются. Ельцин подправил и усилил Горбачева: народы в дым и кровь окунулись, злоба и смерть торжествуют.

Ленин - угрожал, свергал и уничтожал. Горбачев громил, свергал и перестраивал. Ельцин - встать на ноги человеку не дает: ветер хамства, голода и предательства по России гудит. Настоящие большевики: без врагов - ни шагу. Нет врагов - выдумают их и вперед ускоренными темпами двигаются...

Бедный народ. Палачи и провокаторы - в креслах царских, на тронах сидят. Чужое радио. Чужое телевидение. Чужие газеты и журналы. А попадают среди чужих свои - замученные ценами, клеветой и судебными преследованиями. Россия под каблуком держателей золота и алмазов...

Как мог Гайдар стать главою правительства? Золото, золото и золото, алмазы, алмазы и алмазы!..

Немолчный топот, громкий стон,
Визжат тачанки и телеги.
Ужель я сплю и вижу сон,
Что с копьями со всех сторон
Нас окружают печенеги?

Окружили. И не сон - явь трагическая. Боннэр - у плеча Ельцина. Ну кто она? Кто Гавриил Попов? Кто Шахрай? Кто Чубайс? Кто Козырев? Кто Махарадзе? Кто Бурбулис? Кто Полторанин? Тошнит от фамилий.

Некоторые пишут: "Есенину в номере "Англетера" проломил голову чем-то железным, острым, может быть, утюгом. Четырехсантиметровая рана запеклась. Несколько граммов мозгового вещества вытекло".

Некоторые пишут: "На горле Есенина веревку не затянули, а лишь захлестнули, и Есенин

очнулся. Попытался высвободить себя из петли, схватился правой рукою за трубу и застыл". Но как же он "очнулся", если убит? Если и вещество мозговое пролилось?

Современные специалисты заново провели изучение документов, сопоставили факты, предположения и догадки, но документы остались в том "немом" времени, не заговорили с ними. Специалисты не перечеркнули молвы.

Но - повешен Устинов. Но - застрелилась Бениславская. Но - погибла Дункан. Уничтожен Орешин. Уничтожен Клюев. Уничтожен Наседкин. Уничтожен Иван Приблудный. Единицы выжили из окружения Есенина. А родным Сергея Есенина запечатали рты. С 1925 года по 1953 год. На двадцать восемь лет запечатали. Да и на двадцать ли восемь? В 1990 году "храбрецы" хором зашущукались, а потом и по архивам трясли носиками, зашуршали в бумагах...

Но кто виноват в молчании? Никто. Расстрельные пули, посланные палачами в поколения и в поколения, виноваты. И некого из нас корить. Некого угнетать. Всем нам отдавили языки. И безопасная храбрость - никому не в пример.

Ты запой мне ту песню, что прежде Напевала нам старая мать.

Мать поэта, русская и седая, мелодии на гармонике подбирала - стихи уничтоженного сына напевала: боялась - умрет, не выдержит горя. Россия, Россия, что сделали, что делают с тобою?..